

ПОЛИТИЧЕСКОЕ мышление современности во многом определено своего рода *экономизмом* — экспансией экономического мышления как наиболее приближающегося к стандартам точных наук. Поэтому политическая мысль, особенно в ее идеологическом аспекте, пронизана экономическими метафорами — рынка, конкуренции, спроса-предложения, партий как предприятий и т.д. Это создает иллюзию, что и в социально-политической сфере преобладает некий процесс саморегуляции по рыночному (в широком смысле — экономическому, *естественному*) образцу. Экономика становится метаидеологией мышления о политике.

Однако разные исследователи, в том числе немарксистского направления, все чаще вскрывают идеологическую подоплеку экономизированного мышления. Эти разоблачения приобретали актуальность по мере того, как становилась все более ясной роль разнообразного политического регулирования в жизни современных обществ, а также то, что в самом их становлении как рыночных и капиталистических не было ничего *естественного*.

Таким образом была поставлена под сомнение *естественность* экономической науки и был положен предел ее экспансии в область политического мышления. Однако этот предел был положен скорее негативным образом — путем выявления идеологической ангажированности самой экономической науки. Но если идет речь о восста-

7

РЕНТНОЕ ОБЩЕСТВО

новлении более адекватной версии *политэкономического* экономического мышления, какая, собственно, и возникла первоначально, то просто констатации его идеологической ангажированности недостаточно.

Экономическая наука как *политическая экономия* исторически являлась политическим мышлением не в меньшей мере, чем *чисто экономическим*. С некоторых пор она стала полагать себя точной наукой (*экономикс*), что подразумевало маргинализацию ее политической составляющей. Это привело к образованию внутри и политической, и экономической науки одного важнейшего «слепого пятна» — проблематики ренты.

Рента — маргинализированное понятие, поскольку в его основе содержится представление о незаслуженном, незаработанном, *исключительном* преимуществе, которое не может быть устранено путем воздействия неких общих закономерностей. Особенно если само рентное отношение — искусственное, установлено прямым захватом ценного, ограниченного ресурса или насилем. В мире экономической науки, полагающейся на *естественные законы*, рента как *искусственный* феномен выглядит чужеродно.

В сегодняшней ситуации, наоборот, становится очевидной искусственность *всего* якобы естественного политико-экономического порядка современных обществ, основанного *только* на законах труда, капитала и рынка. И это происходит на фоне кризиса *общества труда*. Такой порядок предстает как искусственный и сконструированный. То, что ранее казалось в нем плодами *честной* работы труда и капитала, обнаруживает следы разного рода политико-административного и откровенно силового регулирования. Более того, становится очевидным, что *искусственность* современного политико-экономического порядка никуда не исчезнет в обозримом будущем.

В терпящих кризис, разрушающихся, меняющихся социальных порядках, которые до того воспринимались как

естественные, ярко проявляется искусственная, все более необходимая для поддержания их функционирования политическая составляющая. Эти же самые составляющие в период кризиса и разрушения могут достичь своего апогея и, возможно, стать тем критическим звеном, которое либо окончательно разрушит Старый порядок, либо даст начало новому. Для адекватного осмысления этих искусственных, политических, уязвимых мест старых порядков требуются понятия, возникающие на стыке политики и экономики. Одним из них, по нашему мнению, является не новое, но обладающее сегодня внушительным эвристическим потенциалом имплицитно *политизированное* понятие ренты. Один раз оно уже сыграло свою роль в разрушении феодальных порядков, а затем было маргинализировано: нужно было обезвредить его критический потенциал при осмыслении новых порядков, пришедших на смену. Но теперь вновь наступает его время.